

ГОРСТЬ АРАХИСА

Ю. КУЗНЕЦОВ

МУТНЫЕ, темно-кофейные воды реки Гамбии, встретясь с бирюзовой волной Атлантики, лениво и нехотя растворяются в ее неоглядной шири. И, как бы прощаясь навсегда с пресноводным покоем, они выплескивают на побережье свои последние речные пожитки — исковерканные ураганом ветром из Сахары тела деревьев, глянцевиные полукружья кокосовых орехов и, конечно же, желтовато-серую пену арахисовой скорлупы.

Шелуха земляного ореха в Гамбии, как и запах жареного арахиса, преследуют вас всюду. Несильный летний ветер гонит ее по улицам столичного города Батерста, по размытым тропическими ливнями проселочным дорогам страны. Она, как снег в сильные морозы, скрипит под ногами, когда вы проходите мимо резиденции нынешнего английского генерал-губернатора Гамбии сэра Джона Поула. Стража в красных куртках и красных фесках, застывшая у старинных медных орудий, равнодушно провожает вас усталым взглядом.

Никто в Гамбии арахису не удивляется. Он вошел в кровь и плоть страны, он — главное ее богатство. В не такие уж далекие времена, когда неизбежность британского колониального режима в Африке почти ни у кого не вызывала сомнений, магнаты Сити строго придерживались главной колониальной заповеди: «заставляй добывать только то, что тебе выгодно, только то, что приносит тебе солидный барыш». Золотой Берег давал им колоссальные прибыли от производ-

ства и вывоза какао-бобов и золота, Сьерра-Леоне поставляла алмазы и железную руду, а Гамбия стала основным производителем арахиса и одним из главных его поставщиков на мировой рынок.

Что же получали крестьяне народностей мандинго или волоф за свой рабский труд? Только возможность влачить полуголодное существование. И в наши дни крестьянин еле-еле сводит концы с концами. На арахисовых плантациях не увидишь ни тракторов, ни культиваторов, ни других сельскохозяйственных орудий. Их попросту нет в стране. Все: и вспашка, и посев, и полив, и обмолот — делается крестьянскими руками. Как было сотню лет назад, так и сегодня, почти ничего не изменилось. Вместо современной техники — обожженный с одного конца баобабовый сук.

Около крытых пальмовыми ветвями остроко-
нечных крестьянских хижин рядами лежат мешки с арахисом. На мешках огромные буквы «Г.О.М.Б.». Это инициалы крупнейшей и единственной в стране английской компании по закупке и экспорту арахиса — «Гамбия ойлсидс маркетинг боард». Только ей могут продавать крестьяне свой урожай и только по тем ценам, которые им диктуют ее чиновники. Да иного пути у крестьянина и нет. Он весь в долгах у администрации.

Крестьяне в своем хозяйстве пользуются самыми допотопными орудиями труда.

Фото автора

В этих мешках — арахис — главное богатство страны... (фото слева). Трюмы иностранных судов, словно ненасытные чрева, поглощают арахис (фото справа).

Почти ежедневно с июня по октябрь потрепанные грузовики, увидевшие свет еще на заре автопромышленности — новые ввозить сюда англичанам невыгодно, — забирают мешки, набитые орехами, и доставляют их в Батерст. Часть мешков направляется на единственный в стране завод по переработке арахиса на масло и жмыхи, основная же масса урожая идет за границу.

По причалам Батерста, к которым привалились суда под английскими, итальянскими и голландскими флагами, с утра до вечера нескончаемой вереницей придавленные тяжестью мешков плетутся грузчики. В порту так же, как и на полях Гамбии, вы не найдете всего того, что так привычно для современного порта. Нет здесь ни порталых кранов, ни автопогрузчиков, ни транспортеров. Грузят и разгружают здесь так, как это делали сто, двести лет назад. Только вместо прежних парусников стоят у пирсов стальные машины кораблей.

Логика у монополий железная — когда дешевы рабочие руки, когда есть люди, много людей, согласных, чтобы не умереть с голоду, на любую работу, к чему заводить машины, которые и стоят в десятки раз дороже, чем человеческая жизнь.

В колониальной Гамбии я не увидел классического надсмотрщика с бичом из воловьей кожи. Вместо него я познакомился с каким-то яростным ожесточением людей, которых повседневно гнетет угроза безработицы, нищеты, голода, угроза, что на их место придут другие, вырвут изо рта жалкие крохи, заработанные потом и буквально кровью. Я был потрясен, когда в порту встретил молодого еще парня-грузчика. Обронив мешок, он захлебывался кровавым кашлем. Увидев меня, грузчик страшно перепугался.

— Сэр, не говорите никому. Сэр! Это просто рыба кость. Она, наверное, застряла у меня в горле... Сэр!..

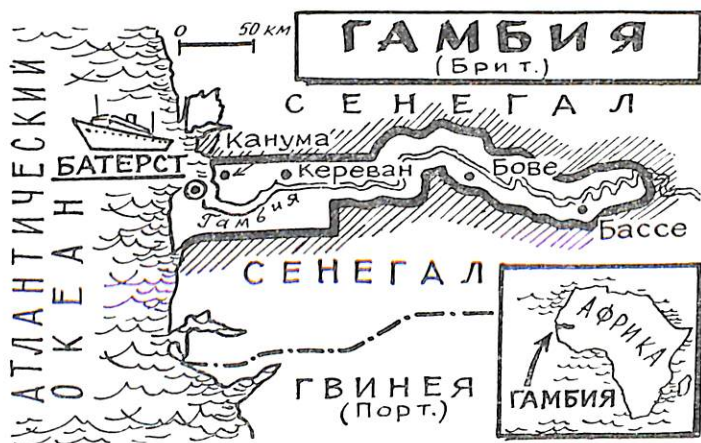
Парень принял меня за чиновника портовой администрации и был в ужасе, что его уволят. Когда же я сказал, что я не тот, за кого он меня принимает, африканец еще долго не мог успокоиться.

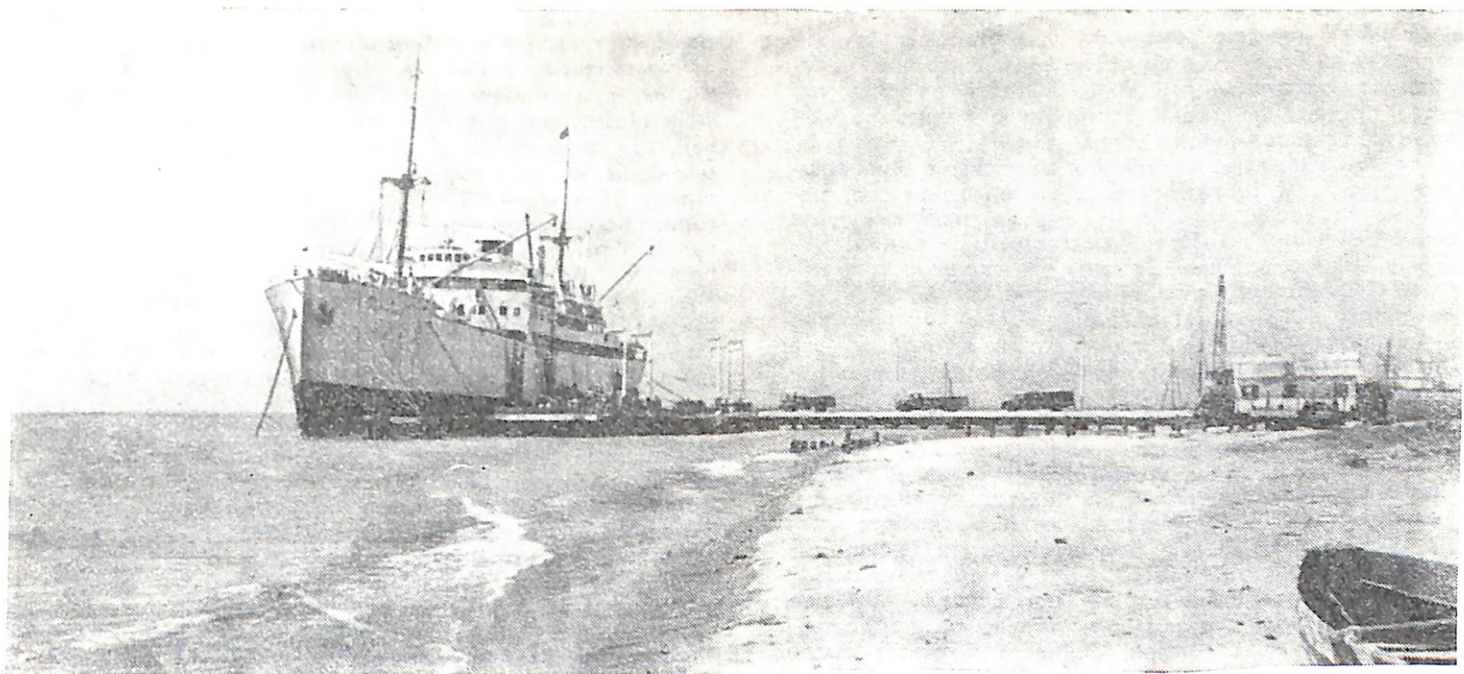
И чтобы доказать, что у него все «о'кей», он взвалил мешок на плечи и попытался сделать несколько твердых шагов.

ПРОКЛЯТЫЕ СРОКОМ В ТРИСТА ЛЕТ

Гамбия — первая английская колония на западном побережье Африки. Гамбия сегодня — это последняя здесь страна, еще испытывающая всю тяжесть английской короны. Три года назад под ударами национально-освободительного движения народов Африки англичане вынуждены были предоставить Гамбии статус внутреннего самоуправления. И все же ныне вся полнота государственной власти сосредоточена в руках британского губернатора.

...Который уже раз я внимательно рассматриваю карту Гамбии, который раз все больше и больше удивляюсь неестественности и нелепости ее границ. Пожалуй, среди всех пограничных линий, которыми исчертили империалисты лицо Африки, границы

Гамбии самые необыкновенные. Они напоминают гвоздь диаметром в 28 и длиной в 450 километров, вбитый английским колониальным молотком в тело африканского материка. Этот гвоздь нужен был англичанам для того, чтобы противодействовать захватам своих соперников-французов в Сенегале.

Шляпка гвоздя — остров Джеймса, отталкиваясь от которого англичане все дальше и глубже внедрялись в материк по течению реки Гамбии. Я уговорил рыбаков свезти меня на этот остров, откуда англичане начали возводить громоздкое здание своих колониальных владений в Африке. По местным преданиям, над островом Джеймса тяготеет проклятье. Грозные и неумолимые джины жестоко кают людей, задумавших там поселиться. Вот почему так неохотно согласились рыбаки переправить меня на этот клочок суши, расположенный в горловине реки.

Когда подплываешь к нему, он выглядит как идеальное место для отдыха, пикников. Песчаный пляж, густые кроны деревьев усыпаны яркими цветами, осыпавшиеся от времени крепостные стены — ну прямо мир и благодать. Но для тех, кому в разное время приходилось жить на острове, он отнюдь не служил местом отдыха, купания и развлечений. Это был крупнейший центр работорговли.

Сотни поселенцев, изнывавших от недостатка воды, страдавших от тоски, одиночества, болезней, нашли здесь свое последнее пристанище. А если к официальным данным статистики добавить тысячи африканцев, согнанных на остров для продажи и мрущих, как мухи, то можно прямо сказать, что остров состоит не из земли и песка, а из человеческого праха. Даже первым «поселенцем» острова был мертвец. В 1456 году португалец Кадамоста, возглавлявший экспедицию по исследованию берегов Африки, вынужден был причалить к острову, чтобы похоронить матроса, умершего от лихорадки. Эта безымянная в то время суша была названа Кадамостой островом святого Андрея. После этого более столетия нога белого человека не ступала на его песчаные берега. И лишь в 1651 году принц Кур-

ляндии набрел на остров, который очаровал балтийского правителя обилием зелени, удобной бухтой. Он решил основать здесь крепость, заселить остров своими людьми, которые, кроме торговли с племенными вождями, должны были поставлять рабов для плантаций сахарного тростника, принадлежащих принцу в Вест-Индии.

По приказу принца 160 человек прибыло к берегам Африки с далекого севера. А десять лет спустя, когда английские каперы задумали захватить остров, их экипажи нашли там только девять человек. Остальные, не выдержав трудностей здешней жизни, увеличили число крестов на кладбище острова. Англичане переименовали остров, дав ему имя Джеймса в честь герцога Йоркского, прославившегося в те времена жестокими набегами на африканское побережье.

И солдаты, и офицеры, разместившиеся на острове, кляли судьбу, занесшую их в эти проклятые богом места. Люди, как свечи, таяли от жестокой лихорадки, болезней, укусов ядовитых змей.

Жестокость, с которой англичане обращались с местными племенами, издевательства над сотнями рабов, продаваемых на попутные корабли, переполнили чашу терпения. Остров и соседние районы были объаты восстанием. Из английского гарнизона в 32 человека 31 был убит.

Англичане ни за что не хотели отдавать остров. Он был для них главным опорным пунктом в завоевании новых территорий, крупнейшим пунктом работорговли. К острову из далекого Альбиона шли корабли, подвозя солдат, порох, оружие. Огнем и мечом расправлялись каратели с жителями прибрежных деревень, не щадили даже грудных детей. Работорговля из стихийной превращалась в прибыльное предприятие.

Целая галерея проходивцев, садистов, грабителей, облеченных губернаторской властью, вершила свои грязные и кровавые дела под сенью «Юнион Джека». Бывали случаи, когда его сменял «Веселый Роджер», что по тем временам было одно и то же. Недаром морской капеллан Уоррен после посеще-

ния острова в 1850 году записал в своем дневнике: «Эта узкая полоска земли, со всех сторон окруженная водной гладью, погружена в меланхолию, навещающую смертельное уныние. Каждая ее пядь так густо пропитана кровью людей, что ходить по ней без страха невозможно».

То ли вызывающие трепет рассказы о чудовищном прошлом этого острова, то ли звенящее, навещающее тоску, безмолвие его берегов вынудили меня как можно быстрее распрощаться с ним.

Гамбия — маленькая страна, а сколько трагических событий пережила она за три сотни лет колониального рабства! И сегодня, когда человечество семимильными шагами движется к прогрессу, эта страна продолжает жить в леденящих душу объятиях прошлого, прозябая в нищете, почти поголовной неграмотности, в забвении самых элементарных человеческих условий жизни. Цифры.. Подчас они красноречивее самых убедительных фраз. В Гамбии живет 284 тысячи человек, из них только 10 процентов грамотных. Из 80 тысяч детей школьного возраста учится немногим больше четырех тысяч, а в средних школах — всего 800 учащихся. Высших учебных заведений в стране нет совсем. Высшее образование можно получить только за пределами Гамбии, точнее, в Англии. Сейчас там учится около 50 человек, в это же число входят и дети чиновников английской администрации. Я разговаривал с Джимом Клементом. Ему 22 года. Как он говорит сам, ему здорово повезло: после окончания средней школы он сумел устроиться клерком в филиал авиакомпании «Найджирия эйруэйс». Выписывает билеты и провожает транзитников. Мечтает о боль-

шой, настоящей авиации. Но сам с грустью признает, что его мечты больше походят на сказку.

Практически в Гамбии не отыщешь местного жителя с законченным высшим образованием. Нет инженеров, нет врачей, нет специалистов-строителей, нет агрономов. Совсем плохо обстоит дело с медицинским обслуживанием населения. На всю страну 15 врачей, 13 сестер, один хирург-стоматолог. Комментировать эти цифры излишне. Туберкулез, фрамбезия, бильгарциоз, сонная болезнь, проказа, трахома поражают огромную массу населения. А цифры детской смертности просто фантастичны. Из каждой тысячи новорожденных умирает, не дожив до года, 681 ребенок! Правительство страны во главе с Давидом Квеси Джаварой, ограниченное властью британского губернатора, не в состоянии пока еще решать неотложные проблемы. Постоянный же дефицит, равный миллиону фунтов, не позволяет увеличивать ассигнования на развитие сельского хозяйства, дорог, модернизацию порта, строительство жилищ, не говоря уже о просвещении и медицинском обслуживании.

Сейчас взоры всех жителей Гамбии устремлены в будущее. С будущим связаны надежды на лучшую долю, на хороший урожай, на счастье детей. С будущим связаны надежды на свободу.

Скоро Гамбия станет независимой. Наряду с другими независимыми странами Африки она займет свое место в Организации Объединенных Наций. Ненавистный британский флаг будет навсегда спущен с флагштока губернаторского дворца, вместо него в голубое небо устремится полотнище еще одной независимой африканской страны.

“УБЬЕМ ПАРШИВОГО ПСА”

ТО название книги, вышедшей недавно в Мозамбике — так называемой заморской провинции Португалии.

«Меня зовут Луиш Аугушту Бернарду Мануэл, — пишет автор о себе. — Фамилии Хонвана в моих документах вы не найдете. Я сын Рауле Бернарду Мануэла (Хонвана) и Нелли Жеремии Ньека. Отец — переводчик в администрации рудников Моамба, мать — домохозяйка. У меня восемь братьев. Я родился в Лоуренсу-Маркише в 1942 году и до 17 лет жил со своими родителями в Моамба. Сейчас я живу в Лоуренсу-Маркише, учусь в лицее и

одновременно работаю журналистом».

«Убьем паршивого пса» — сборник рассказов о людях, со знающих прежде всего, что они люди.

Книга восхищает читателя не только глубокой человечностью, с которой 22-летний журналист ведет повествование, но и тем искусством, с каким он это делает.

Луиш Бернарду Хонвана пишет о людях, живущих в мире угнетения, о той трагедии, которую несет народам Африки португальский колониализм. Он подчеркивает, что решение этой проблемы — не в устранении одних людей и замене их другими. Вопрос решается торжеством справедливости: «Когда кончается один день и мы знаем, что завтра наступит точно такой же другой и что всег-

да будет одно и то же, мы не можем улыбаться и говорить: «Это неважно». Нет, мы должны установить себе награду за героизм. Мы должны установить себе день, когда нам будет вручена эта награда, пусть он будет даже днем нашей смерти!» — так устами одного из своих героев Луиш Бернарду Хонвана иносказательно (ведь книга написана и издана в стране, где царит жесточайший полицейский террор) зовет мозамбикцев к борьбе за свободу. Ликвидация социального неравенства, установление взаимопонимания между людьми, создание общества на основе братства всех людей — вот его идеал.

Герои рассказов Хонваны — простые африканские труженики, исконные жители Мозамбика, которым по праву должна принадлежать эта многострадальная земля. Их муки и надежды, их трудные будни волнуют автора, и он умеет передавать это волнение читателю.

Е. БИРЮКОВ,

собственный корреспондент
журнала в странах Восточной
Африки

Luis Bernardo Honwana. Matamos o cãotinheiro, Loureço Marques, 1963, 150 p.